

Г л а в а 7

ОСМОГЛАСИЕ

В предшествующих главах, особенно в связи с системой попевок, неоднократно было упомянуто о том, что подчинение осмогласию составляет один из *основных законов*, определяющих жизнь, строение и развитие знаменного распева. Одновременно также было установлено, что среди певческих учебно-теоретических руководств *нет* таких, которые были бы посвящены *только системе осмогласия*. Тем не менее подчинение знаменного распева осмогласию не может вызвать какие-либо сомнения, поскольку система осмогласия многообразно обнаруживает себя в певческих рукописях буквально на каждом шагу. При этом «вопрос о сущности и характере русского осмогласия имеет важное научное значение, так как здесь в значительной мере лежит ключ к решению общей музыкально-исторической проблемы о степени самостоятельности древнерусского певческого искусства и его отношении к византийской средневековой музыкальной системе».¹

Термин «осмогласие» — несомненно подлинный, русский. Его можно встретить во множестве певческих рукописей, но лишь в производных формах. В основном виде термин «осмогласие» обнаружен лишь один раз: «Осмогласием сим изобразися по первобытное сотворение стихии всего мира седмию денми».² Автор приведенной выдержки без сомнения имел в виду осмогласие в его специальном значении, но придал ему характер, близкий к «символическим» толкованиям знамени, нимало не раскрывающим существа осмогласия. В остальных случаях термин применяется, как сказано, в производных формах, как-то: «осмогласник», «осмогласно», «осмогласное» (пение), «осмогласные» (пометы) и т. п.³

Раскрытие законов греческого осмогласия не является нашей задачей, что же касается русских певческих рукописей, то в них об осмогласии позволяют судить не столько прямые,

¹ Н. Успенский. Древнерусское певческое искусство. М., 1966, стр. 57.

² ГИМ, собр. Уварова № 152, л. 157.

³ В названной выше книге Н. Успенский везде называет осмогласие «восьмигласием», что представляется неоправданным искажением подлинного термина.

сколько косвенные данные. Приходится на основании проявления осмогласия пытаться воссоздать самую его систему, что в ряде случаев крайне трудно, а иногда и просто невозможно, в силу чего осмогласие следует считать тем разделом древнерусской теории музыки, который требует еще очень и очень больших изысканий и должен быть рассмотрен совместно с другими разделами, особенно же с системой попевок.

Об осмогласии позволяют судить следующие особенности русских певческих рукописей:

- 1) гласовые обозначения, проставляемые в начале песнопений, подразделы азбук «по гласам», отдельные части теоретических руководств — фитников и кокизников;
- 2) построение циклов песнопений, подчиненных порядку следования гласов от 1-го до 8-го (Богородичны, Прокимны, «покаянные» стихи и др.);
- 3) объединение отдельных песнопений и образование из них самостоятельных сборников из восьми частей, подчиненных тому же порядку гласов (Ирмологий, Октоих);
- 4) мелодические различия в распевах знамен, попевок и целых напевах, зависящие от их гласовой принадлежности;
- 5) прием произвольного разделения песнопения на отдельные части, на коих каждая распевается в одном из восьми гласов;
- 6) краткие богослужебные тексты, состоящие из восьми строк, соответственно распетых на 8 гласов по порядку;
- 7) приемы изложения попевок, их строение и сборники (кокизники);
- 8) особые полу- и не богослужебные тексты, распетые на гласы и предназначенные для изложения и усвоения мелодических основ осмогласия.

Гласовые обозначения при начале песнопений настолько употребительны, что нет необходимости делать ссылки на какие-либо определенные певческие рукописи, тем более на отдельные их листы. Достаточно раскрыть любую певческую рукопись, к какому бы веку она ни относилась и какого бы содержания ни была, для того чтобы увидеть гласовое обозначение (иногда вынесенное на боковое поле листа) данного песнопения. Это цифровые указания на гласы — от 1-го до 8-го включительно. Данные обозначения — необходимая формальность, всегда соблюдаемая в знаменном распеве.

О том, что существующие восемь гласов и их обозначения выражают определенную систему, видно из того, что последование гласов — от 1-го до 8-го — служит основой организации песнопений, количество частей в которых, как правило, ограничивается восемью. В рукописях XVI века уже можно видеть заголовки вроде: «Прокимны на 8 гласов», «Богородичны на 8 гласов» и др. Важно, что в границах каждого отдельного гласа объединены разные прокимны или богородичны, имею-

щие неодинаковые тексты. Если так, то определяющие данный глас мелодические признаки, будучи распределенными на много песнопений (текстов), как бы «распыляются». Характеристика гласов достигается не столько отдельными строками, сколько теми же строками, взятыми вместе, в совокупности.

Более сложной формой подбора песнопений является такая, при которой из них складываются целые *сборники* («книги») с текстами и напевами единого типа (*Ирмологий*) или разного (*Октоих*) — но всегда в порядке последования восьми гласов. В названных книгах в каждом гласе много разных текстов, с разными же напевами (независимо от приема распевания «на подобен», который мы исключаем). Именно на различие текстов и следует обратить особое внимание, причины чего выясняются в дальнейшем.

Как известно, распев некоторых знамен изменяется в зависимости от того гласа, в котором они применены. Такие знамена попадаются в различных формах и случаях как в рядовых рукописях, так и в теоретических руководствах, и если мы говорим о признаках осмогласия, то пройти мимо «знамени переменного» нельзя.

Особенность знамени переменного составляет то, что оно, хотя и существовало и применялось в знаменном распеве спокон веку, но выявляется во всей полноте своего значения очень поздно. Причина ясна: по *внешним* признакам можно судить о многом — прежде всего о составе рукописей, употреблении певческих знаков, заголовках и других элементах, проливающих свет на осмогласие. Что касается чисто мелодических проявлений осмогласия — строения напевов в целом и знамени переменного в частности, то их понимание возможно лишь в последний период жизни знаменного распева. О знамени переменном, попевках, лицах и фитах можно судить тогда, когда они для нас начинают «звучать», то есть с появления помет. Здесь опять-таки приходится исходить из того допущения, что тайно-замкнутые и условные сочетания и последования знамен могли в более древние века иметь музыкальное значение, если не тождественное, то близкое тому, которое они приобрели в XVII веке. Так или иначе — очень постепенно — определенным и наиболее распространенным мелодическим оборотам стали с течением времени соответствовать постоянные с графической стороны последования нотных знаков и начертания.

Если двигаться от XVII в сторону XII века, пытаясь отыскать в певческих строках попевки, лица и знамя переменное, то их отыскание окажется все более и более затруднительным, а количество — все меньшим, в том числе и знамени переменного. Из сказанного можно заключить, что осмогласие (в мелодическом, а не уставно-формальном понимании) развивалось, переходя от простых форм к более сложным и совершенным, вырабатывая отвечающие этому развитию графические средства.

Кроме того, первоначально в зависимости от греческих традиций, но все время освобождаясь от них,— появлялись формы русского осмогласия, не известного в греческих образцах. Так, например, на русской почве возникли распевание на 8 гласов («осмогласники») «Достойно есть», «Отче наш», распевание стихир на разные гласы и др. и, наконец, самое замечательное и важное в знаменном распеве — система попевок. Определяемые причинами чисто мелодического порядка, принципиально очень важные различия гласов заставляли наших распевщиков руководствоваться ими при создании кокизников, фитников и других подобных сборников, к чему мы не будем возвращаться.

Прием расчленения отдельных вполне самостоятельных песнопений на части, с распеванием каждой из них в ином гласе, не относится к числу очень распространенных, однако примеры такой системы не единичны. Их можно встретить уже в певческих рукописях XVI века, как, впрочем, и некоторые другие формы. В XVII веке употребительность указанного приема распевания текстов несколько возрастает, но не находит окончательных и развитых форм по тем же причинам, о которых уже приходилось говорить в связи с другими явлениями в знаменном распеве. Упомянем здесь еще «Канон» Григория Цамблака. Части этого сочинения разбиты на отдельные отрезки, распетые в разных гласах.¹

Подход к пониманию и показу осмогласия в некоторых случаях очень своеобразен. Так, при совершении «Всенощного бдения» исполняется песнопение, известное под названием «Свететихий» — по первым словам его текста. В старину, однако, первые два слова запевал головщик, а хор вступал позже, со слов «святыя славы» (почему в рукописях песнопение и приводится без первых двух слов). Любопытно, что в рассматриваемой ниже рукописи² текст и напев «святыя славы» дан в нескольких видах. Вверху листа (л. 113 об.) он помещен в обычном изложении, без какого-либо особого заголовка. Далее следует его изложение на 8 гласов: «Ин поем перевод на 8 гласов» и, наконец, (л. 114) на тот же текст — «Путь большой». Текст принадлежит к разряду обязательных для исполнения, а помещение в трех видах только подчеркивает важность песнопения. Поэтому оно и избрано для изложения на 8 гласов (как и ряд других). Изложение на 8 гласов таково:

Глас 1 — «Святыя славы — и-и-и-и-и бесмертного отца небесного...»

Глас 2 — «святого блаженного Исоуса сына божия...»

Глас 3 — «пришедшоу солнцу на западо...»

¹ Этот «Канон» можно сблизить с сочинениями других русских распевщиков, имена и размах деятельности которых широко известны.

² БЛ, ф. 304, № 429, л. 113 об. — 114 (XVII в.).

Глас 4 — «видевоше свето¹ вечерний поемо отца...»

Глас 5 — «и сына и святаго доуха...»

Глас 6 — «бога достоин на вся времена пети тя гласы преподобными...»

Глас 8 — «дар(оу)яи весемоу миру, его же ради мир тя слаави-и-и-и-и-и-и-и-и-и-ит».

В нотных строках имеются участки растянутого текста (на гласных «и»). Существенно, однако, не то, какая гласная растянута, а самый пример такого растягивания, говорящий о присутствии продолжительных мелодических оборотов, может быть — разводов фит. Последнее вероятнее всего, так как над некоторыми словами текста имеются нераскрытые фитные начертания. Привлечение фитных распевов не обязательно и в ряде случаев не встречается, но там, где оно есть — все же указывает на разнообразие возможностей, которыми располагал распевщик для показа мелодического богатства голосов.

Другим важнейшим песнопением является «Символ веры» («Верую»). В одной из рукописей² он носит название «Осмогласник» (что не следует смешивать с «Осмогласником» как с одним из наименований Октоиха). Текст «Символа веры» продолжителен, и мы не будем приводить его полностью, показав лишь начала его членов (в рукописи они даны с прописной буквы) и, тем самым, гласов.

Глас 1 — «Верую во единого бога отца вседержителя, творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. И во единого господа Иисуса Христа сына божия...»

Глас 2 — «единородного иже от отца рожденного...»

Глас 3 — «единосущна отцу им же вся быша...»

Глас 4 — «и воплотившегося...»

Глас 5 — «страдавша и погребенна...»

Глас 6 — «и паки грядущего...»

Глас 7 — «и в духа святаго...»

Глас 8 — «глаголавшего пророки...»

Даже по неполному тексту «Символа веры» уже можно установить отношение распевщика к тексту — разрывы в нем сделаны посреди фраз.

Еще яснее это видно на примере «Достойно»,³ имеющего в рукописи следующий любопытный заголовок: «Достойно осмогласное хабувное творение и роспев Лва царя Премудрого Деспота глас 6». Не касаясь графического и орфографического своеобразия заголовков, важно отметить, что и здесь указано на то, что «Достойно осмогласное» — в том же значении, что и «Осмогласник» в «Верую». Еще интереснее, что «хабувное тво-

¹ Над выделенными словами в напеве находятся фиты (начертания). То же и в следующих примерах.

² ГПБ, Кирилло-Белозерское собр. № 677/934, лл. 119—120 (конец XVII в.).

³ Та же рукопись, лл. 120 об.—121 об.

рение и роспев» приписываются Льву царю Премудрому, которому принадлежит создание стихир Евангельских. (Заметим, что для присвоения авторства «Достойно» Льву Премудрому не имеется достаточных оснований). Текст написан подряд, без выделения каждого гласа в отдельную строку, следующим образом:¹

«*Глас 6. «Достойно есть яко Глас 8. воистину блажити тя Глас 3. богородицу присно Глас 4. блаженную Глас 5. и прене-не-най-не-най-ней-ней-ней-ней-и-не-не-не-порочную и матерь бога нашего Глас 7. честнейшую Глас 2. херувим и славнейшую без сравнения серафим без истления бога слова рождшую су-щую богородицу Глас 1. тя величаем».* Молитвословие, действи-тельно, распето на 8 гласов, но последование строк необычно. Гласы следуют не подряд, а в порядке: 6—8—3—4—5—7—2—1. Не соблюдается даже чередование «пар» гласов — автентиче-ского и plagального, то есть 6—2, 3—7 и т. п. Порядок последо-вания гласов, таким образом, может быть произвольным, важно лишь, чтобы присутствовали все восемь.

Составитель назвал приведенное «Достойно» не только ос-могласным, но и «хабувным». Основание для такого названия в какой-то мере можно видеть, собственно, лишь в одной строке, относящейся к гласу 5. Слова «хабува» в ней нет. Вспомним, однако, что в древнерусской певческой практике вставка хабувы (с ее напевом) в знаменное песнопение счита-лась украшением последнего. Кроме того, хабувы нередко со-провождались «аненайками» — ее мы и находим в строке гласа 5. Это и дает право считать, что «Достойно» является «хабувным творением». Такое название не следует понимать буквально, как указание на присутствие в тексте и напеве ха-бувы; оно лишь подчеркивает усложнение напева «украшаю-щей» мелодической вставкой, обычно сопровождающей ха-бувы — аненайкой.

Можно ли, основываясь на приведенных образцах, считать, что исполнение песнопений, разбитых на восемь частей — по ко-личеству гласов, — могло содействовать раскрытию сущности *системы осмогласия* и ее мелодической характеристике? Вряд ли. Примеры показывают, что тексты разделяются на части, точнее — рубятся на куски, вполне формально, нередко вне за-висимости от смысла и содержания фразы. Казалось бы, при таких условиях на первое место должно выступить мелодиче-ское содержание напева, которому в жертву принесен текст. Однако вызвано это расчленение было не столько желанием показать мелодическое содержание осмогласия (что в объеме одного более или менее краткого песнопения, по существу, не-возможно), сколько стремлением придать песнопению возможно большую пышность, расцветив его средствами всех гласов, а не

¹ Обозначения гласов выделены нами.

какого-либо одного, к которому оно принадлежало согласно традиции. Такого рода песнопения было бы неправильно расценивать как имеющие педагогическую направленность (так же как и случаи, когда собрано вместе несколько песнопений, единых по принципу построения).

Следующий ниже текст (помещен в раздельноречной рукописи¹) представляется не только несколько более сложным, но и построенным иначе. На восемь гласов распет текст «На херувимехо седяи»:

«Глас 1² — На херувимехо седяи. и хвалимы ото серафимо Глас 2 — денесе во божественную церкове по закону приносимо Глас 3 — старечема освящается руками и ото Иосифа приемаете дары богоlepено Глас 4 — яко супругу горличищю нескверненую церковь. и языко новоизбранныя люди Глас 5 — голубина же два птенца яко началенику *ветхаго* же и *новаго* к самому же отовето. Симион конеце приимо. Глас 6 — благословия девицу богородицу Марию. страстенныя образы сущааго из нея прежде нарече Глас 7 — и ото него просите отпуста волия Глас 8 — ныне отпускаеш мя владыко. Яко же прежде обеща ми. Яко видехо тя превечного света. и спаса и господа Глас 1 — Христоименитым людемо».

Здесь налицо чередование гласов от 1 до 8, однако после заключительного гласа 8 вновь указан на последние два слова глас 1 (к этому приему придется еще возвратиться). Чрезвычайно интересно, что в том же сборнике, откуда заимствован приведенный текст «На херувимехо седяи», помещен еще один распев того же текста (отделенный от первого почти двумястами листов). В следующем примере приведены полностью тексты и напевы рукописи № 184 (см. строки 1 и 2), а также рукописи № 37 (см. строку 3):³

Глас 1. На хероу ви мѣхо сѣдяи и хвалимы ото серафимо

Глас 2. Де не се во божественогѹ церкѹ ве по законѹ приносимо

Глас 3. Старечема освящается руками и ото Иосифа приимо

¹ ГПБ, Q 1, № 184, лл. 140 об. — 141 об. (XVI в.).

² В рукописи проставлены только цифровые обозначения.

³ ГПБ, Q 1, № 37, л. 264 и об. (XVI в.).

وَلِلّٰهِ الْحُكْمُ وَالْحُكْمُ شَفِيعٌ

МАСТЕ ААРЫ БОГОЛЪПЕНО

وَمِنْهُمْ مَنْ يَعْلَمُ الْكِتَابَ وَمَنْ لَا يَعْلَمُ إِنَّمَا يَنْهَا عَنِ الْمُنْكَرِ وَالْمُنْكَرُ هُوَ الْفَحْشَاءُ الْمُبَيِّضُ لِلْأَعْيُونِ

ГЛАЧ. Яко соутро гог горличиши не скверне по ю церковь.

и языкош мовоизбранныя люди

لـ ۱۰۰ مـ ۲۰۰ مـ ۳۰۰ مـ ۴۰۰ مـ ۵۰۰ مـ ۶۰۰ مـ ۷۰۰ مـ ۸۰۰ مـ ۹۰۰ مـ ۱۰۰۰ مـ

ГЛАС 5. ГОЛОУ БИНА ЖЕ АВА ПТЕ НЕЦА ЯКО НАЧАЛЕННИКОГ ВОТХАГО је

وَمِنْهُمْ مَنْ يَعْمَلُ مَا شَاءَ وَمَا يَرَى

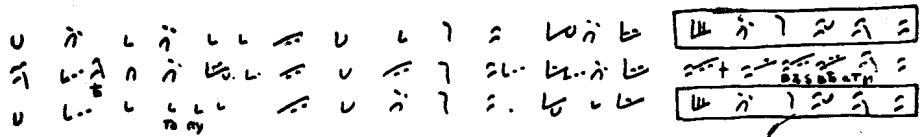
и новаго. К самому же штобъто, симонъ коме че приимо

Глаш. Благо слово аз ви чог бого родак чог маритю страстемия

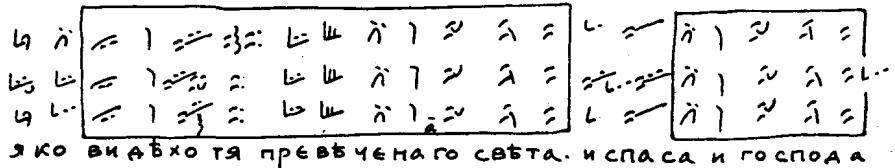
$$\begin{array}{l} \text{1. } \frac{d}{dx} \ln(u) = u' \\ \text{2. } \frac{d}{dx} \ln(x^2) = x^2' \\ \text{3. } \frac{d}{dx} \ln(\cos x) = \cos x' \end{array}$$

УБРАЗЫ СОГЛАСОВАНЫ ПРЕЖДЕ НАРЪЧЕ

ГЛАСЪ И ОТ НЕГО ПРОСИТЕ ШТО ПОСТА ВОПИЯ

Глас 8. Ныне отпущающи мя владыко яко же прежде овещами.

Глас 1. христо именитыю людемо.

В текстах рукописей имеются незначительные разнотечения (текст приводится по изложению его на лл. 140—141 об., разнотечения в рукописях показаны в нотных строках мелкими буквами). С мелодической стороны имеются более существенные различия, выходящие за пределы разнотечений. Все же и здесь можно установить определенные закономерности. Строки 1 и 3 преимущественно совпадают. Несходство начертаний отдельных знамен, насколько об этом можно судить, не создает существенных мелодических различий. Действительно важные различия в напеве образуются с одной стороны, между строками 1 и 3 (если принять их за равные), и строкой 2 — с другой стороны. Напев строки 2 отличен на всем своем протяжении, кроме некоторых частей, одинаковых для всех трех строк.¹ Очень существенно, что эти части соответствуют «стыкам» гласов (1 и 2, 2 и 3 и т. д.), но и здесь в строке 2 встречаются отклонения. Можно, следовательно, установить две редакции напева «На херувимехо седяй» — основную, находящуюся в строках 1 и 3, и вариант, данный в строке 2, — своего рода «ин перевод» (о чем придется еще вспомнить в связи с памятоглагаем «О чернече»).

Если рассмотреть, в чем же именно состоят совпадения напевов на «стыках» гласов, то мы увидим: на конце гласа 1 — попевку «долинка», гласа 2 — «кичиги», гласа 3 — «мережа», гласа 4 — «храбрица», гласа 5 — фиту «хабува», гласа 6 — также общую фиту, замененную в строке 2 «долинкой», гласа 7 — опять попевку «мережа», гласа 8 — «кулизму среднюю» и на конце заключительного гласа 1 — снова «храбрицу». Кроме того, и в середине предложений во всех трех строках имеются

¹ Совпадающие участки напевов в примере окружены рамкой.

совпадения попевок, кулизм средних и фит, между которыми находится достаточно подвижный и развитой напев. Сказанное, а особенно «ин перевод» строки 2, говорит за то, что составители данного песнопения, разделяя его на части по гласам, использовали разнообразные средства мелодической характеристики этих гласов, особенно обращая внимание на их «стыки», как на участки контрастного сопоставления гласовых напевов. Мало того: как это имеет место и в других осмогласниках, в рассматриваемом песнопении обычное последование гласов в постепенном порядке 1—8 дополнено — для придания симметрии всему построению — строкой, относящейся снова к гласу 1, с которого начинается все последование.

Присутствие в одной рукописи (№ 184) двух редакций «На херувимехо...» свидетельствует о том, что изложение того же текста на 8 гласов было формальным приемом, имевшим целью не только раскрыть внутреннее мелодическое богатство осмогласия, но прежде всего использовать гласы как средство музыкального «расцвечивания» богослужебного текста. Этим же объясняется и одинаково богатое мелодически изложение всех частей избранного песнопения.

Прием обрамления песнопения, излагаемого на восемь гласов (в форме осмогласника), отрывками, распетыми на один и тот же глас, встречается нередко. Применяться для особого подчеркивания мелодической стороны гласов он не может, ибо нет причин выделять среди прочих гласов какой-либо один.¹ Значит, обрамление не более чем средство придания единства и симметрии форме осмогласника, что свидетельствует о понимании певцами *формы* как выразительного средства.

Рассмотренные до сих пор осмогласники относятся преимущественно к XVI веку, хотя многие «доживаются» до гораздо более позднего времени — главным образом те из них, которые прямо связаны с богослужением.

Любопытен прием частичного использования средств осмогласия, то есть не всех восьми гласов. Так, известен случай (далеко не единственный) распевания текста песнопения в пределах лишь четырех гласов, отчего и самое песнопение получает наименование «четверогласник». В одной из рукописей имеется заголовок: «Слава глас 5. Четверогласн(ик)».² Текстом служит известное песнопение «Придете празденолюбеных...» и т. д. Данный текст произвольно разделен на четыре части и распет в гласах 5, 6, 7 и 8.

Только как на факт опять-таки приходится указать на распевание на 8 гласов песнопений не знаменного, а путевого и демественного распевов (в частности, в демественном многоголос-

¹ Обычно в обрамлении участвует глас 1, с которого естественно начинать «осмогласник» и которым столь же естественно завершить его.

² ГПБ, Q 1, № 238, л. 361 (середина — третья четверть XVII в.).

ции). Так, в одной из рукописей, содержащей путевые Праздники,¹ можно видеть два примера «осмогласного» изложения текстов. Под заголовком «Осмогласник» (л. 110) на восемь частей разделен текст песнопения «Богоначалныи мановением...». Порядок изложения гласов — 1, 5, 2, 6, 4, 7, 8. Глас 3 отсутствует. Данный осмогласник завершается опять-таки гласом 1, что уже встречалось в знаменных осмогласниках, но с той разницей, что в них повторение гласа 1 являлось девятой частью осмогласника, тогда как в настоящем случае количество частей — из-за отсутствия гласа 3 — действительно, восемь. Ясно, что название «осмогласник» указывает на подход к мелодической обработке текста с использованием восьми гласов, а не на количество частей.

В той же рукописи (л. 111 об.) находится: «На литии. Слава. 5, 4 гласник» (то есть «четверогласник»). Текст — «Придете празденолюбеныхо соборо...» (на слове «соборо», в частности, находится путевая фита). Для изложения напевов избрана последняя четверка гласов — 4, 5, 6, 7.

В XVII веке начинают появляться другие типы песнопений на 8 гласов, другие потому, что меняется их назначение. Их изложение связано с внедрением в текст светского начала, появлением церковно-светских, а затем и полностью светских текстов. Подобные песнопения получили название «памятогласий». Это краткие памятки, по которым певец мог представить себе характерные образцы напевов каждого гласа.

Какими бы ни были тексты «памятогласий», их нельзя рассматривать отдельно от соответствующих им напевов. Что же в памятогласии основное — текст или напев? Если бы обе составные части были равноправны, то нельзя было бы представить себе какую-либо одну из них существующей отдельно, без другой. Однако в очень большом, если не преобладающем, числе случаев памятогласия представляют собой лишь тексты без певческих строк. В определенных случаях, следовательно, было достаточно одного текста. Это объясняется тем, что количество избранных для памятогласий текстов было ограниченным, количество же типичных гласовых оборотов, которые можно было использовать в качестве образца гласа, напротив, достаточно велико. Волей-неволей из них пришлось также отобрать небольшое число мелодических оборотов, в известной степени «закрепив» их за текстами. Таким путем текст памятогласия без напева получил право на существование. Не предвосхищая окончательных выводов, рассмотрим ряд памятогласий.

Заголовок к одному из подобных памятогласий имеет своеобразный вид: «Роспевки на осьм гласов».² Точки

⁴ ГПБ, Q 1, № 442. На листах рукописи имеется выскобленная запись с сохранившейся в ней датой — 1635 г., из чего следует, что рукопись написана ранее этого года, по всей вероятности — в первой четверти XVII в.

² ГПБ, Q 1, № 43, л. 274 и об. (середина XVII в.).

в заголовке между «на» и «гласов» — крупные и проставлены киноварью. Их восемь, они, следовательно, заменяют слово или цифру «восемь» — восемь гласов. Сразу же после заголовка стоит одна киноварная точка (то есть начинается изложение строки гласа 1) и так далее до восьми точек соответственно перед каждым из гласов. Такого рода прием «нумерации» гласов встречается и в других рукописях.¹

Памятогласие таково:

38

Глас 1 *Богъ съи ото отца прѣжде вѣк
С Л Л Л й ѿ*

Глас 2 *Сниде волею на землю*

Глас 3 *И въплотиша отчины адѣвы мариј
О в Л Л Л с = ѿ*

Глас 4 *Бывъ богъ и человѣк во двою естеству
О Л Л Л Л Л Л й ѿ*

Глас 5 *И человѣкъ ради пострада плотию
О Л L L L L й ѿ*

Глас 6 *Жатиего стояши отъ креста
О Л L L L L й ѿ*

Глас 7 *Плачюши умилно глаголаше
О в ѿ*

Глас 8 *Увѣйни въ увѣйни бѣдо мое
Ш Л L L L L О в ѿ*

Приведенный текст, если можно так выразиться, стоит рядом с чисто богослужебными. Частично он напоминает свободный пересказ «Символа веры». В упомянутой рукописи № 17 собрания Михайловского текст совпадает дословно (кроме строки гласа 4, в котором первым стоит слово «быв» также с запятой на нем). Более существенно, что в рукописи № 17 в конце памятогласия вновь повторены гласы 6 и 8 с иными напевами, хотя текст в обоих случаях одинаков:

38а

Глас 6 *и превозносимъ его вовѣки
Ш Л L L L L О в ѿ*

Глас 8 *и превозносимъ его вовѣки
Ш Л L L L L О в ѿ*

Конечные две строки представляют собой «ин роспев» гласовых оборотов 6-го и 8-го гласов, которые избраны как наиболее развитые и богатые.

На последнем листе одной из рукописей Соловецкого собрания² помещены еще более свободные тексты под заголовком «Запевы подобные воззвашним» (зnamена не даны):

¹ Например, ГПБ, собр. Михайловского О 17, л. 295 и др. «Роспевки на осмь гласов».

² ГПБ, Соловецкое собр. № 293/277, л. 284 (середина XVII в.).

Глас 1 — «Адам от земли создан и в рай вселился».

Глас 2 — «Евы ради райского пищи лишился».

(Или: «Блажен непорочний»).¹

Глас 3 — «Горе нам непокаявшимся: ждет нас мука вечная».

Глас 4 — «Во граде давидове услыши ны господи».

Глас 5 — «Боже очисти грехи моя».

Глас 6 — «Добро есть нам в книги внимати».

Глас 7 — «Ох, увы мне, душа».

Глас 8 — «Прииде спас наш».

Другой, близкий предыдущему образец памятогласия под заголовком «На господи возвах. Запевы», находящийся в непевческой рукописи,² также дан без знамен и имеет следующий текст:

Глас 1 — «Адам от земли богом создан и в рай введен».

Глас 2 — «Лестию змиевою райского пищи лишился».

Глас 3 — «Фаска³ еврейская не сходна с християнскою».

Глас 4 — «Мати Сион речет человек и человек родится в нем».

Глас 5 — «Владыко Христе спаси раба своего якоже вошлиши».

Глас 6 — «Истинная вера христианская несть ее превыше».

Глас 7 — «Тако, братие, храним ея яко зеницу ока».

Глас 8 — «А мы взвываем хвалу слава в выших богу».

За этим, под названием «Запевы на стихиры», следует памятогласие «О чернече», а за ним «Запевы на бгъ господь», со следующим текстом:

Глас 1 — «Христу рождьшуся в Вифлиеме иудейстем».

Глас 2 — «Во дни Ирода царя».

Глас 3 — «И прийдоша волхви от персиды».⁴

Глас 4 — «И обретоша Иисуса во яслех лежаща».

Глас 5 — «И поклониша ему».

Глас 6 — «И принесоша дары ему».

Глас 7 — «Ирод искаша убить его».

Глас 8 — «Бежа бежа во Египет».

Несколько приведенных текстов говорят о существенных переменах, произошедших в памятогласиях, так же как и о новой «направленности» их заголовков. В каждой строке чувствуется или прямое заимствование из богослужебного текста, или отголоски библейских повествований, но весь текст в целом уже совсем не тот, что прежде. (Заметим попутно, что полный текст памятогласия «Адам от земли богом создан...» очень древнего происхождения и, подобно тексту «О чернече», содержится еще в древнегреческих певческих памятниках.) В Соловецкой, например, рукописи № 293/277 тексты гласов 1 и 2 — «Адам от земли», «Блажен непорочний» — богослужебного происхож-

¹ Скобки в рукописи.

² БЛ, ф. 37 (Большакова), № 197, лл. 27 об. — 29 (XVIII в.).

³ Пасха

⁴ волхвы персидские

дения, а «Горе нам непокаявшимся» носит просто назидательный характер. Смешиваются строки разного происхождения и характера. Далее появляется строка вполне светского, хотя и поучительного характера (глас 6): «Добро есть нам в книги внимати» и т. п. То же можно видеть и в тексте памятогласия рукописи № 197 в строках гласов 6 и 7. Наконец, второй текст той же рукописи представляет собой свободный пересказ библейского повествования о рождении Христа и связанных с этим событиях. Все это свидетельствует об отходе памятогласий от чистого богослужения, о том, что тексты постепенно приобретают все более и более свободный и светский характер.

Наиболее ярким образчиком в этом отношении представляется нижеследующий текст,¹ к сожалению, не имеющий над собой нотных знаков:

Глас 1 — «Что ж сделал бы я полза есть мне от себя».

Глас 2 — «Блажени непорочни усыши ны господи».

Глас 3 — «Горе нам умрети непокаявшимся ждет нас мука вечная».

Глас 4 — «Нигде не бывал я ныне поиду во Йеросали(м)».

Глас 5 — «У нас на Москве на Варварской горе усыши (ны) господи».

Глас 6 — «Перевесте² за реку возмите перевозу».

Глас 7 — «Господи помилуй нас от бед и злых рест...» (?)

Глас 8 — «Боже мой и боже мой усыши ны плач мой».

При чем тут церковь, при чем богослужение? Даже от «назидательного» содержания текста — и то почти ничего не осталось! Наоборот — такие строки, как относящиеся к гласам 1 и 6, носят шутливый, вполне светский характер, а строка гласа 5 — «у нас на Москве на Варварской горе усыши (ны) господи» — это уже просто «семинарское» зубоскальство. Система преподавания знаменного пения, очевидно, перестала удовлетворять учеников — «отрочат». Зазубривая по старинке основы осмогласия, они развлекались, как умели. Разумеется, тексты, содержащие шутливые строки, не могут быть приняты за правило и образец для других памятогласий: наоборот — это исключение. И все же значение их — как явления и своеобразного отголоска неполадок и неурядиц в постановке преподавания знаменного пения в древней Руси — от этого не уменьшается.

Вернемся теперь к заголовкам, предшествующим рассмотренным памятогласиям. Это: «На господи возвах. Запевы. Глас 1» (рукопись № 197), «Запевы на бог господь глас 1» (там же), «Запевы подобные воззвашним» (рукопись № 293/277), «Припелы³ воззвашные» (рукопись № 211) и т. п. Нетрудно заметить, что заголовки так или иначе указывают на

¹ ГИМ, Певческое собр. № 211 (XVII в.).

² перевезти

³ припевы

связь, лучше сказать — зависимость от распеваемых на 8 гласов текстов «господи возвах к тебе...».

Рассмотрим теперь подробнее самый термин «памятогласие», присвоив его условно всем тем приемам, которые, судя по определенным формам текстов и соответствующих им напевов, имеют целью изложение и утверждение системы осмогласия. Даже в самых характерных и показательных заголовках нам еще не удалось обнаружить самого названия «памятогласие». Тем не менее названный термин очень хорошо выражает существо дела и должен быть принят к употреблению (как это имеет место в литературе по истории русского культового пения). Памятогласие — есть память (памятка) *гласам*, средство к их запоминанию, удержанию в памяти. Разумеется, коль скоро на каждый глас дается по одному примеру (нотной строке), от памятогласий нельзя многое и требовать: они призваны не научить мелодическому богатству гласов, а лишь указать на него, напомнить о нем. По памятогласиям певцы воскрешали в своей памяти простейшие гласовые напевы с тем, чтобы после этого смочь распеть по ним тексты несложных песнопений.

Памятогласия известны, как это уже можно было видеть, двух родов: с нотными знаками и без них. Какое же значение имеет памятогласие, если в нем не приведен тот гласовый напев, который певцу нужно вспомнить? Конечно, текст без знамен менее убедителен и полезен, но оба указанных вида памятогласий служат одним целям. Не забудем, что подавляющее большинство богослужебных текстов (вместе с их напевами) было «прикреплено» к определенному гласу и показательно для него (наряду с напевами). Профессиональные певцы в течение целой жизни пели на клиросе, и за это время и тексты и напевы в равной степени накрепко оседали в их памяти. Достаточно было небольшого напоминания, «толчка», для того чтобы в музыкальной памяти певца тотчас же воскресала вся сумма мелодических признаков гласа. Таким «толчком» служили и чисто текстовые памятогласия и, тем более, имевшие знамена.

Подбор текстов, используемых в памятогласиях, небогат, но среди них существует один, попадающийся наиболее часто и повествующий о встрече двух чернецов. Это текст не богослужебный и, несомненно, составлен с целью создать памятогласие. В певческих рукописях он употребляется с XVI века (с неизбежным вариантами в отдельных выражениях).

Текст памятогласия «О чернеце» таков:¹

Глас 1 — «Грядет чернец из монастыря» —

Глас 2 — «встречю ему вторый чернец».

Глас 3 — «Откуда ты, брате, гредеши?..»

Глас 4 — «Из Константина града».²

¹ ГПБ, собр. А. Титова № 696, л. 79 (конец XVII в.). Знамен в рукописи нет.

² Константина-града (Константинополя).

Глас 5 — «Сядем, брате, побеседуем».

Глас 6 — «Жива л(и), брате, мати моя?»

Глас 7 — «Уж твоя, брате, мати давно умерла».

Глас 8 — «Увы мне, увы мне, мати моя!»

В большинстве других источников разночтения незначительны. Так, например, «грядет» заменяется «идет», «встречу» — «стречу» или «стретил» и т. п. Значительнее отличия в следующем, более раннем тексте (гласовые обозначения в рукописи проставлены на поле):¹

Глас 1 — «Пошел чернец из монастыря».

Глас 2 — «Стретил его утры чернецъ».

Глас 3 — «Откуда, брате, гряд(и)ши?»

Глас 4 — «Из Константина града».

Глас 5 — «Жива ли, брате, мати моя?»

Глас 6 — «Твоя мати умерла».

Глас 7 — «Увы мне, увы мне, мати моя».

Глас 8 — «Поидемъ, брате, себе въ келью, сядемъ себе, побеседуемо».

В приведенном тексте не только нарушен обычный порядок строк, но несколько изменено также их содержание, особенно последней (глас 8). Приглашение одним чернецом другого в келью для беседы очень редко приходится встречать в других памятогласиях. Ярких форм раздельноречия здесь еще нет, оно выражено, собственно, только последним слогом в слове «побеседуемо». В остальных случаях имеющимся в тексте ерам еще соответствуют знамена, что приближает весь текст к древнему истинноречию, отчего и распев данного памятогласия приобретает несколько более архаический оттенок. Сказанное в свою очередь заставляет думать, что в XVI веке памятогласия появились не впервые, но были в употреблении в русском культовом пении значительно раньше. (Это тем более вероятно, что известны еще греческие тексты памятогласий, также повествующие о встрече двух чернцов.)

В связи с теорией осмогласия и, в частности, памятогласием «О чернце» Д. Разумовский пишет: «Мастера и учителя церковного пения, жившие в первой половине XVI века, сообщали ученикам своим сведения о певческом значении знаменных крюков, о зависимости этого значения от церковного гласа, и передавали легкие способы к памятованию гласовой мелодии знаменного роспева. Современные ирмологи нередко содержали в себе: а) сказание, како поется знамение коеждо различно; б) како поются попевки и в котором гласе и в) роспевы на восемь гласов.² Эти роспевы состояли из восьми кратких и различных мелодий, сходных с запевами «на господи воззвах» каждого из гласов знаменного роспева. Текст этих мелодий —

¹ ГПБ, Кирилло-Белозерское собр. № 668/925, л. 320 (XVI в.).

² Пункты а, б и в выделены в оригинале.

подражание греческому и не имел ничего общего с текстом священных песнопений».¹

Вслед за этим Разумовский приводит таблицу с параллельным изложением русского и греческого памятогласий «О чернече». Первое заимствовано из Новгородского стихираря 1569 года, второе — из Хиландрского стихираря XVIII века. Непонятно, как может русский текст XVI века быть «подражанием» греческому XVIII века,— но это вопрос неправильной формулировки, ибо Разумовский имел в виду, без сомнения, тексты памятогласий, действительно имеющиеся в древнейших греческих рукописях. Важнее то, что он упоминает запевы «на господи возввах». ² Эти тексты очень распространены, как, впрочем, и многие другие, имеющие одинаковое с памятогласиями назначение.

Немногим отличается от мнения Разумовского точка зрения А. В. Преображенского, считающего, что «при полном отсутствии школ для обучения пению и специальных учебных пособий для этой цели пение передавалось из уст в уста от старших опытных певцов к младшим и неопытным. Но по мере накопления этого опыта создавались и распространялись разнообразные приемы для облегчения науки. Интересно, между прочим, что для изучения обычных напевов осмогласия русские певцы удержали у себя тот же прием, какой употреблялся и в греческой церкви, и в латинской западной. Так, для приобретения умения роспевать различные тексты по напеву каждого из восьми гласов у русских певцов были в большом ходу мелодические формулы, роспеваемые на mnemonically облегченные тексты, что называлось памятогласием».³ Далее Преображенский помещает текст памятогласия «О чернече» и продолжает: «Текст этот представляет собой почти дословный перевод греческого «памятогласия» αβας αβανυπητησξ. Есть русские параллели к латинским, объясняемые до известной степени одним и тем же — греческим происхождением их, как, например, памятогласие, начинающееся стихом — «Адам от земли богом создан» (Adam ῥίμος homo) и пр. Иногда русские вводили сюда даже и шуточный элемент, когда, например, роспевали памятогласие «У нас в Москве на Варварской горе услышаны, господи» — вернее всего уже школьного происхождения».⁴

С обоими текстами, приведенными Преображенским, еще придется встретиться.

О мелодическом содержании строк памятогласий, находящихся в певческих рукописях беспометного периода, мы будем

¹ Д. Разумовский. Церковное пение в России, стр. 158.

² От последнего слова они называются «возввахами» (в рукописях за редкими исключениями пишутся через одно «з»). Отсюда и «строки возвашные».

³ А. В. Преображенский. Культовая музыка в России. Л., 1924, стр. 29.

⁴ Там же, стр. 30.

говорить условно, однако нотация беспометных памятогласий все же раскрывает многое, позволяя делать некоторые заключения. Начнем в целях дальнейшего сопоставления напевов, с пометного памятогласия:¹

39

Глас 1
И _ дет че _ рнец из мо _ на _ сты - ря.

Глас 2
Стре - чу е - му вто - ры - и чер - нец.

Глас 3
„От - ку - ду ты, бра - те, гря - дешь?“

Глас 4
„Из Ко - иста - вти - на гра - да и - ду.“

Глас 5
„Ся - дем, бра - те, по - бе - се - ду - ем“.

Глас 6
„Жи - ва ли, бра - те, ма - ти мо - я?“

Глас 7
„Ма - ти тво - я да - вно у - мер - да“.

Глас 8
„У - вы, у - вы мве, ма - ти мо - я“.

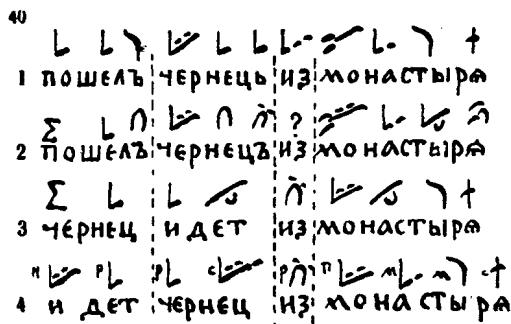
Ввиду почти полного отсутствия четвертных длительностей, в мелодическом отношении строки производят впечатление единообразных и неподвижных. Обращает на себя внимание большое количество применяемых среди нотных знаков *стопиц*. Стопица — речитативное знамя, длительность которого в продолжительных участках речитатива естественнее рассматривать как равную *четверти*, в силу чего в начале большинства строк памятогласия можно допустить более быстрое движение. Общий характер напевов от этого несколько оживляется.

Вряд ли следует думать, что распевщики сознательно стремились к существенному разнообразию строк памятогласий. Несходства в напевах в различных по возрасту памятогласиях объясняются тем же, чем и разночтения (графические и мелодические), наблюдаемые в перечислениях и толкованиях знамени или в кокизниках. Поэтому не следует смотреть на памятогла-

¹ ГПБ, собр. Тиханова № 689, л. 208 и об. (конец XVII — начало XVIII в.).

сия как на источник, могущий существенно обогатить наши представления о мелодике знаменного распева. Это и понятно, если принять во внимание назначение памятогласий, отличное от назначения кокизников. Памятогласия были бы не нужны, если бы рядом с ними не существовало системы попевок, выраженной посредством кокиз и закрепленной в специальных сборниках. Никакой певец (тем более ученик) не мог бы воспользоваться памятогласием, не усвоив и не запомнив перед этим самой системы попевок и возможно большего количества кокиз. Тем самым еще больше подчеркивается значение памятогласий как вспомогательного мнемонического средства для напоминания попевок, но не для их преподавания. Действительно, если сравнить попевки памятогласий с теми, которые содержатся в кокизниках, то сравнение окажется не в пользу памятогласий. В последних не только чрезвычайно мало попевок, но и мелодические их достоинства незначительны. Для них отбираются далеко не лучшие и не самые яркие попевки из всего их огромного запаса. Правда, попевки в памятогласиях не всегда совпадают, но все же общее их количество ограничивается несколькими десятками, тогда как в кокизниках их заключены сотни. В силу этого применение памятогласий было ограничено прежде всего повседневными и обиходными нуждами, что не мешает включению их в самые лучшие и полные певческие сборники. Делалось это не только ради практической полезности памятогласий, но и для полноты самих сборников. Из сказанного явствует, что в памятогласиях следует искать лишь простейшие попевки, заранее отказавшись от надежды встретить в них существенные их разновидности и, тем более, всякого рода «переступки», «доводки» и т. п., принадлежащие к высшей ступени развития попевок.

Сравнение соответственных строк различных памятогласий обнаруживает в них и несходства, и совпадения, что приходится рассматривать как свойство всех теоретических руководств знаменного распева. Единой мерки для них, как и для самих памятогласий, быть не может. Например:¹

Если общей чертой памятогласий является присутствие большого количества речитативных знаков в началах строк, то

¹ Источники приведены на стр. 422.

наиболее выразительная часть гласового мелодического образца отнесена в конец. Что же касается несовпадений знамен, то они не вызывают существенных различий напевов. Так, например, знамена на совпадающих по количеству слогов словах «пошел» и «чернец» (в строке 3) не обнаруживают заметных различий. Рассматривая второй (по вертикали) «столбец» знамен, мы видим опять два слога с движением напева вниз (кроме строки 4). Третий «столбец» следует рассматривать вместе с началом четвертого. Знамена здесь не совпадают, однако это лишь различные графические изображения одного напева (с небольшими ритмическими разночтениями). Во всех четырех строках здесь движение трех звуков вверх — двух четвертных и одного, последнего — большей длительности (половинной или целой ноты). Только в строке 2 на предлоге «из» отсутствует знамя. Тем не менее и здесь рисунок напева не нарушается, так как последний передан посредством стрелы светлой. Концы напевов совпадают (замена стопицы с очком подчашием создает только графическое различие).

Памятогласие «О чернече» — наиболее определившееся по форме среди других памятогласий. Тем более оно имеет значительную древность. Что же касается общего речитативного характера напевов памятогласий, то он определяется их будничным практическим назначением. Сложные праздничные песнопения певцам надо было изучать особо, а для повседневных — памятогласий — речитатива было довольно.

Термин «памятогласие» можно применить к богослужебным текстам («господи воззвах» и «бог господь»), распеваемым на восемь гласов. Тогда намечаются следующие виды памятогласий: 1) с чисто богослужебными текстами и напевами; 2) смешанные формы; 3) со светскими текстами.

Общим для этих видов началом служат напевы, во всех случаях являющиеся знаменными попевками, хотя бы и самыми простыми. За каким же из перечисленных видов можно с наибольшим правом закрепить наименование памятогласия, понимая этот «жанр» не как случайную подборку гласовых образцов, но как педагогическое пособие? Ответ определяется содержанием текстов памятогласий. В первом случае построение восьми строк текста (тем более целых песнопений) по их гласовой принадлежности не могло быть иным. Так было положено исполнять их по уставу. Форма зависела от правил богослужения. Во втором и третьем случаях памятогласия строятся на таких текстах, которых, за вычетом отдельных строк, ни в каком богослужении не могло быть. Одним этим, следовательно, уже нарушается их связь с церковным уставом и подчиненность ему, что позволяет рассматривать подобного рода памятогласия как созданные *искусственно*, с умышленным отходом от богослужебных канонов. За ними закрепляется не столько богослужебное, сколько музыкально-теоретическое и педагогическое

значение, чем не сводится на нет роль чисто богослужебных памятогласий, безусловно имевших известное, так сказать побочное, педагогическое значение.

Интересные формы показа восьми гласов приведены в рукописи Кирилло-Белозерского собрания № 668/925. В этой рукописи (лл. 318 об.—322 об.) помещены следующие песнопения (заканчивающиеся азбукой):

1. «Бог господь» («и явися нам, благословен грядый во имя господне») на 8 гласов (см. фото на стр. 242).
2. «Свят господь бог наш» на 8 гласов.
3. «Аллилуия» на 8 гласов.

4. «Господи воззвах» («к тебе, услыши ны, господи») на 8 гласов.¹

5. «Господь воцарися в лепоту ся облече» и «Аллилуия» (на поле против «Аллилуия» проставлено «глас 5»).

6. «Прокимны» на 8 гласов.

Глас 1 — «Буди, господи, милость твоя на нас, якоже уповахом на тя».

Глас 2 — «Крепость моя и пение мое и бысть мне во спасение».

Глас 3 — «Пойте богу нашему, пойте цареви нашему, пойте».

Глас 4 — «Яко возвеличиша дела твоя, господи, и вся премудростию сотворил еси».

Глас 5 — «Ты, господи, сохраниши ны и соблюдеши ны от рода сего во веки».

Глас 6 — «Спаси, господи, люди своя и благослови достояние свое».

Глас 7 — «Господь крепость людем своим дастъ господь, благословить люди своя миром».

Глас 8 — «(П)омолитеся и создадите славу господеви богу нашему».

7. «Запел(ы) на осм гласов. Поет по глас 1».

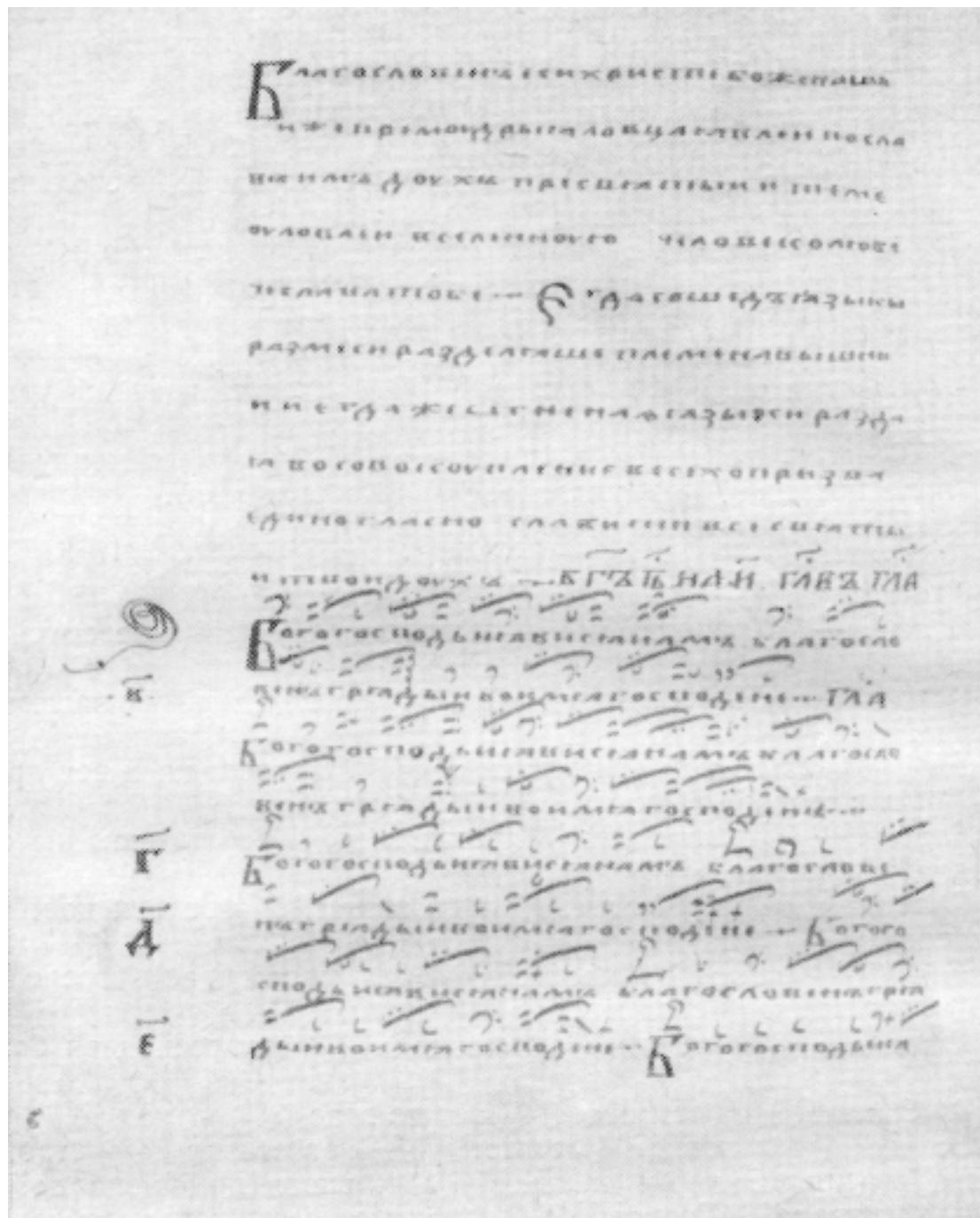
За этим заголовком следуют уже известные нам строки памятогласия «О чернече». После них вновь помещена добавочная строка «Господь воцарися в лепоту ся облече» (л. 320) — но уже с другим напевом (ср. пункт 5).

8. «Сказа(ни)е како поется в коем гласе знамение».

9. «Сказание како поется коеждо знамение в коем гласе различно».

10. «А се имена знамением, како зовутся именем».

¹ После «возввахов» помещено (на л. 319 об.) еще несколько строк: «Исповемся тебе господи всем сердцем моим. Аллилуия», «Спаси мя, господи, яко оскуде преподобный. Аллилуия», «Господи кто обитает в жилищи твоем. Аллилуия». Эти несколько текстов не исчерпывают всех восьми гласов, все же им соответствуют типичные мелодические (гласовые) обороты, с внешней стороны близкие предшествующим строкам (также имеют речитативные участки в начале).

Вместе взятые, последние три раздела представляют собой азбуку (рассмотренную в своем месте) «расширенного» содержания, состоящую из перечисления и двух толкований.

Имеющиеся на листах 319 об. и 320 «посторонние» тексты, не входящие в ряд восьми гласов, внешне на протяжении всей строки более сложны по нотации, речитативные участки в начале напева отсутствуют. Очень сложны напевы троекратной «аллилуия» (л. 319 об.) и, особенно, «господь воцарися в летопутя ся облече». Второй приведен дважды (лл. 319 об. и 320). Напевы в обоих случаях различны. Совпадают только фиты (по

начертанию). Дважды помещенный в разных вариантах распетый текст «господь воцарися...» свидетельствует о том, что он показан вне связи с осмогласием, чем в какой-то мере предвосхищает появляющиеся в более поздних азбуках «разводные строки».

Переходя к памятогласиям смешанного типа, следует заметить, что они, сравнительно с памятогласиями «О чернече», менее распространены, но все же встречаются достаточно часто. Такие памятогласия носят следы влияния текстов и приемов изложения гласовых напевов, характерных для других видов.

В рукописи, относящейся ко времени царствования Алексея Михайловича,¹ находим следующий текст:

Глас 1 — «Вечерния наша молитвы».

Глас 2 — «Блажени непорочний».

Глас 3 — «Горе нам не покаявшимся, ждет нас мука вечная».

Глас 4 — «Во граде давыдове».

Глас 5 — «Боже очисти грехи моя и помилуй мя».

Глас 6 — «Добро есть нам книги читати».

Глас 7 — «Ох, увы нам, душе».

Глас 8 — «Прииде спас в Назарет».

Отдельные строки этого текста с некоторыми разночтениями уже встречались ранее. Сравним их с рукописью Соловецкого собрания, рассмотренной выше (на стр. 232—233):

41

Глас	Рукопись № 240	Рукопись № 293/277
4	Во граде давидове .	Во граде давидове услыши ны господи
5	Боже, очисти грехи моя и по- милуй мя	Боже, очисти грехи моя
6	Добро есть нам книги читати	Добро есть нам в книги внимати
7	Ох, увы нам, душе	Ох, увы мне, душе
8	Прииде спас в Назарет	Прииде спас наш

Разночтения либо касаются отдельных слов, либо (более существенные) — частей фраз. Однако важнее то, что при общем различии текстов в них оказываются одинаковые строки. Строки гласов 4—8 рукописей № 293/277 и 240 почти совпадают (см. таблицу 41). Из сказанного можно сделать два очень показательных для приемов создания памятогласий вывода, а именно, что памятогласия:

1) подчинены общему для знаменного распева принципу вариантности и импровизационности;

¹ ГПБ, Q 1, № 240, л. 219 об. (XVII в.).

2) не имеют единой, обязательной для всех формы построения и допускают перенос отдельных частей текста и целых строк из одного памятогласия в другое.

Как добавочный вывод можно утверждать, что:

3) тексты имеют подчиненное значение и на первом месте стоит напев памятогласий.

Вернемся теперь к рукописи № 240 и рассмотрим напевы, соответствующие приведенному тексту:

42

Глас 1
Ве - че - рня - я на - ша мо - ли - твы.

Глас 2
Бла - же - ни ве - до - ро - чни - и.

Глас 3
Го - ре нам, пе - во - ка - я_вши_мся, ждет нас му -
- ка ве - чна - я.

Глас 4
Во гра - де да - ви - до - ве.

Глас 5
Бо - же, о - чи - сти гре - хи мо -
- и по - ми - лу - и мя.

Глас 6
До - бро есть вам мни - ги ж чи - тать.

Глас 7
Ох, у - вы - вам ду - ше.

Глас 8
При - в - де Спас в На - за - рет.

В сохранении мелодического рисунка попевки памятогласие не отличается большой точностью. Наиболее отчетливо гласовые напевы обрисовываются в строках 1 и 5 гласов (попевки «рафатка средняя с хамилою», «подъем большой», «таганец»). В других строках скорее чувствуются отголоски попевочных оборотов («переволока» в гласе 2, «завивец» и «возмер» в гласе 3, «воздержка» в гласе 4 и т. п.). Это еще раз подчеркивает

значение кокизников, в сравнении с которыми памятогласия оказываются неспособными достаточно полно обрисовать мелодическое богатство каждого гласа.

Приведенные ниже памятогласия сложнее. Основные строки «Запевов на 8 гласов»¹ почти полностью совпадают с рукописью № 240, но усложнены добавлением припевов «Господи возвах...».

Глас 1 — «Вечерния наша молитвы. Господи возвах к тебе, услыши мя».

Глас 2 — «Блажени непорочни в путь. Господи возвах к тебе, услыши мя».

Глас 3 — «Горе нам не покаявшимся, ждет нас мука вечная. Господи возвах к тебе, услыши мя. Господи, услыши мя».

Строки остальных гласов имеют припевом только «господи возвах к тебе, услыши мя».

Наиболее сложными представляются «Самогласны на осьмь гласов на глас тропаря»,² построенные следующим образом (в рукописи текст выписан подряд, без разделения на отдельные строки):

Глас 1 — «Бог господь и явися нам, благословен грядый во имя господене. Свято господе бого наше. Аллилуя, аллилуя, аллилуя».

Глас 2 — Повторен текст гласа 1, расширенный следующим добавлением: «Прокимен. Крепость моя и пение мое господи бысть мне во спасение, господи возвах...». Начиная с гласа 3 общее построение остается прежним, но текст прокимнов каждый раз меняется. Памятогласие доходит до конца гласа 7 и обрывается (утрачено несколько листов рукописи).

Тексты применяются в виде полной фразы или частично «урезанными», в сопровождении других текстов или без них. Понятие гласового образца тем самым раздвигает свои границы, и для одного гласа также образуется своего рода «подборка» текстов. Все это говорит за то, что с течением времени объединение текстов, являющихся основой для распевания гласовых напевов (сопровождающихся нотной строкой или без нее), стало рассматриваться как средство усвоения и запоминания основ осмогласия.

Несколько в стороне от обычных памятогласий находятся помещаемые ниже примеры, заимствованные из двух рукописей XVIII века. В первой из них, к которой еще придется вернуться, памятогласие помещено в азбуке под заголовком: «Поучение учителево ко ученику на виршю»³ — форма, нередкая для поздних азбук. Для гласа 6, например, соответствующий гласовый напев дан на следующий текст: (лл. 5 об.—6) «Молитвами о пении к вышнему простирайся, о получении

¹ ГПБ, Q 1, № 21, лл. 292—293 (конец XVII в.).

² БЛ, ф. 199, № 316/320, лл. 174—175 (XVII в.).

³ БЛ, ф. 199, № 191/194, л. 4 об. (XVIII в.).

же сего толанта не усомневайся, не лишишься того, его¹ же себе желаешь, аще ли, веря, во всем на бога уповаешь» и т. п. Строки «Поучения учителева ко учеником на виршю» (имеющие знамена) расположены по гласам в порядке: 1, 5, 2, 6, 3, 7, 4, 8. Этот порядок уже известен, но в данном «поучении» тексты имеют необычный характер. Это не одна-две строки, случайно оторванные от богослужения, как в ранее рассмотренных памятогласиях, а тексты светского и при этом *умышленно* светского содержания. Их назначение — не прославление бога, а внушение учащемуся прилежания, трудолюбия, стремления глубоко и сознательно постичь трудное искусство пения. Понятно, что все же невозможно обойтись без постоянной оглядки на бога и святых, но прямой задачей этого памятогласия является достижение совершенно определенных педагогических целей.

Остается установить, когда же именно и каким путем происходила на Руси отработка осмогласия как такового и приемов его освоения, если, как было сказано, не известны специальные учебные пособия по данному вопросу.

Как всякая отрасль культового пения, как любая из его составных частей, осмогласие не оставалось неподвижным. Оно развивалось, претерпевая изменения, связанные с усложнением и ростом текстов и напевов. Первоначально музыкальное содержание осмогласия было лишь одним из средств придания напевам определенного характера, средством его «краскраски» — часто приходится читать о том, чем, например, отличается ионийский лад от дорийского, а этот последний от фригийского или иного. Если отличия существенны, то это имеет значение прежде всего для греческого осмогласия, которое, как мы уже не раз пытались показать, не определило собой развития и особенностей осмогласия русского. Русское осмогласие только «оттолкнулось» от греческого, но свои национальные внутренние особенности смогло выработать лишь постепенно и в течение долгого времени. На первых порах оно, без сомнения, было значительно беднее в интонационном отношении, сравнительно с позднейшими его образцами периода наивысшего развития. Это можно проследить путем внешнего сравнения нотных знаков памятогласий.

Присутствие речитативных участков в начале памятогласных строк не случайно и представляет собой пережиток того времени, когда напевам всего знаменного распева в целом была свойственна значительная речитативность.² Образцы гласовых напевов, как их «показатели», были нужны всегда, и, естественно, закреплялись в виде определенных формул, имевших значение своего рода гласовых «эталонов». По ним изучалось

¹ В значении «чего».

² См. нашу работу «Пути развития и задачи расшифровки знаменного распева».

гласовое пение, практическое же развитие живого знаменного распева неизбежно должно было в мелодическом отношении опережать учебные «формулы» памятогласий, чем и определяется относительная мелодическая бедность и речитативность памятогласных строк. В силу этого, хотя мы и рассматриваем памятогласия довольно широко, как художественное явление они не могут быть поставлены в один ряд с мелодически богатыми и развитыми песнопениями «осмогласников». Когда технических возможностей памятогласий оказалось недостаточно, они должны были уступить место более совершенным средствам характеристики и показа гласов. Как следствие начали складываться осмогласные кокизники.

Первоначально интонационная бедность осмогласия находила свое выражение в том, что напевы, характеризовавшие отдельные гласы, отличались один от другого не столько своим рисунком, сколько *высотной областью*, в которой они находились и исполнялись. Такого рода напевы труднее всего поддаются изучению в своих ранних формах, как выраженные нотными знаками, не имеющими броских внешних отличий.

По многим примерам видно, насколько единообразны и мало-выразительны начальные — «левые» части строк памятогласий. Действительно мелодически показательной является «правая» часть строки, ее конец. Вот в этих-то концах строк памятогласий и содержится зародыш, «зерно» будущего гласа с уже определившимися интонационными признаками. Так оно и было до тех пор, покуда в нашем, *русском* осмогласии не получила достаточного развития попевка как средство мелодической характеристики гласа. Произошло это в середине XVII века. Интонационные «зерна» в начальном своем периоде представляли собой единственный вид попевки в ее ранней форме. Вскоре, однако, «зерно» строки памятогласия и попевка как таковая в более широком ее понимании должны были разделиться, пойти своим путем, причем развитие памятогласий сперва отстало, а потом и совсем прекратилось, будучи ограничено рамками устава и определенных текстов. Но попытки борьбы с такими ограничениями были и находили выражение в системе распевания на восемь гласов целых самостоятельных песнопений. Поэтому было бы неправильным говорить, что русское осмогласие пошло по стопам греческого и определилось им. Наоборот — оно отошло от греческого, как стеснявшего развитие попевки. По существу интонационное начало гласа в русском его понимании стало вырабатываться само собой, в процессе живого обмена опытом между распевщиками-практиками. В силу этого русское осмогласие стало опираться не на формально-текстовые «рецепты», а на ладо-интонационное и эстетическое чувство певцов, на художественно-музыкальное мироозерцание русских людей. Тем не менее византийские образцы существовали и также дали некоторый толчок к появлению

нию распеваемых на восемь гласов *новых* текстов, осмогласное изложение которых грекам не было известно. В какой-то степени здесь напрашивается сравнение с распространенным приемом распевания определенных текстов «на подобен», а также пением стихир на разные гласы.

Остается упомянуть еще о нескольких частных примерах. Прежде всего — о памятогласии позднего происхождения, периода распространения и внедрения западноевропейской пятилинейной нотной системы.

В одном из списков «Грамматики» Дилецкого¹ имеются «Образы² осми гласов». Для каждого гласа дано по нескольку тактов четырехголосной партитуры (без текста), писанной на нотных станах квадратной нотой. Гласы предваряются заголовками: «Образ 1 гласа», «Образ 2 гласа» и т. д. Партитура в приводимом ниже примере изложена в ключах: верхняя и вторая строки — в цефаутном ключе (равняющемуся альтовому), третья сверху — в сопрановом и нижняя — в теноровом ключе. По изложению «образы» имеют много общего с обычными приемами построения партитур четырехголосного партесного пения.

Нашей целью не является анализ гармонических «странныстей» приведенных «образов». Важен самый факт применения *многоголосных* отрывков для показа особенностей осмогласия. Это единственный известный пример, что не позволяет делать основательные наблюдения. Его можно рассматривать лишь как любопытный отголосок памятогласий, неожиданно возникший в пособии по изучению западноевропейской музыкальной системы. Впрочем, не будем забывать, что автор «Мусикийской грамматики» хотя и преследовал цель пропаганды западноевропейской музыкальной системы, внутренне еще не окончательно порвал со знаменным распевом, и это нашло свое отражение и в «Грамматике» и в его приемах изложения современной западноевропейской теории музыки.

Интересный и в своем роде единственный пример пособия по изучению осмогласия находится в одной из азбук.³ На листе 1 (титульном) значится: «Начало церковного осмогласного пения», после чего на листе 2 — заголовок: «Молитва к самому господу нашему Иисусу Христу на 8 гласов. Глас 1». Здесь мы видим обычную таблицу, построенную в два столбца: «существа строк» — левый столбец и «разводы» — правый. Весь текст молитвы — «господи Иисусе Христе сыне божий, помилуй нас» — разбит на части по гласам, в порядке 1—8, 1. Количество слов в молитве равно семи, поэтому пришлось добавить еще восьмое — «аминь». Это последнее слово, однако, разделено на составляющие его два слога, из коих первый («а») отведен гласу 8, а второй — снова гласу 1.

¹ ГПБ, собр. А. Титова № 3753, лл. 271—272 об. (XVIII в.).

² То есть образцы.

³ БЛ, ф. 379, № 5, лл. 1—2 (XVIII в.).

Примеры, приведенные в графе «существа строк», неодинаковы. Они содержат в себе:

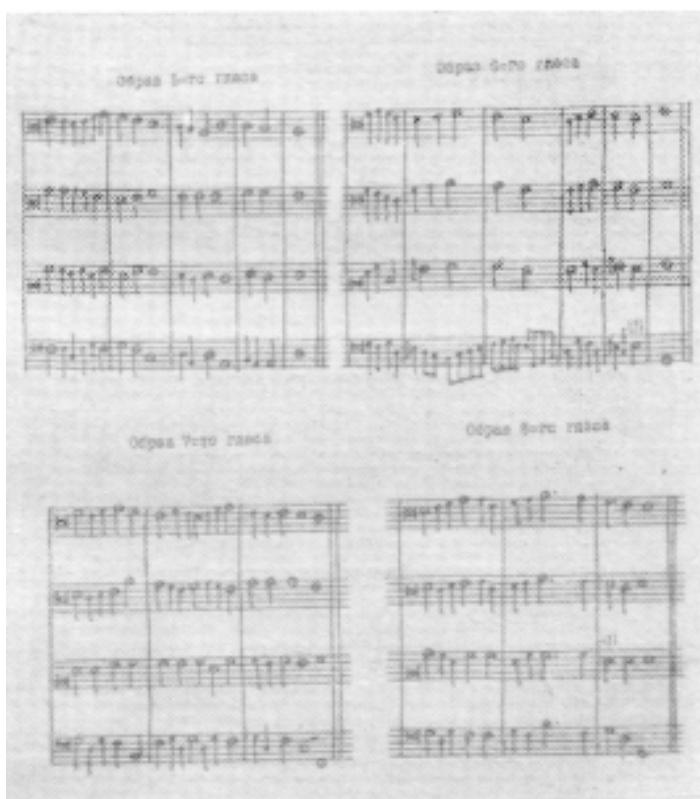
Глас 1 — знамена,
Глас 2 — знамена,
Глас 3 — попевку
«дербица»,
Глас 4 — кулизму,
Глас 5 — попевку
«долинка»,

Глас 6 — знамена (в частности, многогласное состепенное знамя-попевку «паук большой»),

Глас 7 — знамена,
Глас 8 — фиту,
Глас 1 — фиту.

Составитель азбуки придал целостность форме памятогласия не только повторением в его конце строки, относящейся к начальному гласу 1, но и помещением в «финале» двух фитных распевов.

В графе второй — «разводы» — обращает на себя внимание наличие толкования знамен, при этом (за исключением паука большого) простых по своему распеву (например, в гласе 1 — крюка с подчашием и стрелы светлой, в гласе 2 — статьи со змийцей и стрелы поводной и т. п.). Важно также присутствие лиц-попевок: «дербицы» и «долинки». Это — отступление от традиций памятогласий, как правило излагающих гласовые мелодические обороты вне всякой тайнозамкнутости,

даже такой незначительной, как в лицах-попевках. Наличие толкований простых знамен интересно тем, что подтверждает прямую связь памятогласия с толкованием знамени в поздних азбуках. Кроме того, это расширяет границы собственно памятогласия и его назначения, коль скоро предметом показа становятся не только типичные гласовые попевки (строки), но и отдельные знамена с их распевами. Тем самым памятогласию придается дополнительное значение толкования знамени и — в очень узких рамках — даже фитника.

Как на любопытное отступление от обычных форм памятогласий можно указать на рукопись, один из листов которой содержит заголовок: «Моление с первого гласа до осми».¹ За этим следует:

Глас 1 — «Боже в помошь мою вонми мое неразумие...»

Глас 2 — «Владыко царю, даждь ми слезы...»

Глас 3 — «Иже мыслию уязвляем...»

Глас 4 — «От всяких бед твоего раба сохрани...»

Глас 5 — «Увы мне и горе мне ленивому и нерадивому...»

Глас 6 — («На восстание от сна»). «Восстанем, братие, и течем ко учителю...»

Глас 7 — «Уже бо солнце высоко...»

Глас 8 — «Владычице приими молитву раб твоих...»

Заголовок памятогласия указывает на то, что в более ранних памятогласиях хотя и подразумевалось, но ни разу не было прямо определено в заголовке: подборка строк восьми гласов как определенный технический прием. Памятогласие разбито составителем на две части — с 1 по 5 и с 6 по 8 гласы. Смысловой связи между частями нет, и создается впечатление, что составителю просто не хватило строк на все 8 гласов и он оказался вынужден добавить еще строки, заимствовав их из известных ему «проук»² назидательного содержания, побуждающего учеников спешить к учителю пения на утренние занятия. Как настоящее, так и предыдущее памятогласия являются хорошими образцами, показывающими *отход этого вида пособий от богослужебного назначения и религиозного содержания*.

Выводы, к которым можно прийти на основании рассмотренных многочисленных образцов памятогласий, состоят в следующем.

1. За отсутствием специальных руководств по осмогласию (как греческих, так и русских) понятие о русском осмогласии можно вывести только на основании различных его проявлений и применения его законов непосредственно в певческих рукописях, как практических, так и музыкально-теоретических.

2. Распевание текстов «Господи возвах», «Свят господь бог наш», прокимнов, богородичнов и целых песнопений «на 8 гла-

¹ БЛ, Муз. 4038, л. 42 (XVIII в.). Для краткости помещены лишь начала строк.

² «Проуки» — певческие упражнения. Подробнее см. в дальнейшем.

сов» свидетельствует о несомненном понимании русскими распевщиками музыкального и интоационно-художественного значения осмогласия как системы.

3. Система осмогласия как предмет узко-теоретической разработки является наиболее отсталой отраслью древнерусского музыкального искусства.

4. Объединение в певческих рукописях текстов и песнопений (упомянутых в пункте 2), в специальные «подборки» с присоединением к ним памятогласий «О чернече», «Про Адама» и иных очень существенно и представляет собой первый шаг в создании особых отделов или частей певческих рукописей (подобно включению в них «имен знамени», «толкований» и т. п.), излагающих современные данные о теоретическом и мелодическом существе и понимании системы осмогласия. Такие «подборки» имеют уже *педагогическое* значение и назначение.

5. Возникновение памятогласий на светские или полусветские тексты, непосредственно не связанные с уставом богослужения, превращает осмогласие из средства украшения напевов в *предмет особого рассмотрения, делая тем самым памятогласия простейшим видом педагогического руководства по осмогласию.*

6. В силу того, что основой развития знаменного распева всегда было мелодико-интоационное обогащение его напевов, «сухая» теория греческого осмогласия не смогла найти на Руси почвы для разработки и развития.

7. Настоящее свое художественное развитие осмогласие получило в *русской системе попевок*, найдя внешнее выражение в *форме кокизников, как учебных пособий.*

8. Полное понимание того, что представляет собой русское осмогласие, может быть достигнуто только после расшифровки беспометных кокизников и подробного изучения приемов применения попевок в знаменных песнопениях. Последнее вырастает в важнейшую проблему, стоящую перед исследователями русского музыкального средневековья.

Во избежание повторений, в настоящей главе не упомянуто о тех особенностях осмогласия, о которых упоминалось в предшествующих главах в связи с другими вопросами. При воссоздании системы осмогласия все сказанное должно быть учтено, ибо подтверждает существование осмогласия как системы технического и мелодического порядка, которую в конечном счете можно определить следующим образом: осмогласие есть *система, складывающаяся из восьми самостоятельных частей — гласов* (откуда и ее название), из коих каждый представляет собой *сумму характеризующих его мелодических оборотов — попевок, в совокупности своей образующих мелодическую суть знаменного распева, а тем самым и всего древнерусского церковного пения.*